

С Т А Т Ь И

Йиржи Пеликан

ВОЗМОЖНОСТИ И ПУТИ ПЕРЕМЕН В СТРАНАХ "РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА" *

(Размышления над книгой Рудольфа Баро "Альтернатива" **)

Книга Рудольфа Баро "Альтернатива", без сомнения, заслуживает обсуждения, так как дискуссия о характере политической системы в странах Восточной Европы и о возможных перспективах развития так называемого реального социализма необыкновенно важна. Надеюсь, что в полемике между марксистской оппозицией в странах Восточной Европы и левыми на Западе книга Баро будет использована как рабочий материал. Более того, я надеюсь, что книга Баро станет отправной точкой других работ на эту же тему. Тогда начнется новый этап борьбы за социалистическую альтернативу и перемены в странах Восточной Европы; будет не только проводиться беспристрастный анализ так называемой советской модели социализма (подчеркиваю, анализ, а не эмоциональная публицистика), но и разрабатываться политическая стратегия и тактика борьбы за изменение положения, существующего в этих странах.

Основное достоинство работы Баро заключается, по моему мнению, в том, что автор великолепно изучил общество, о котором пишет. Баро удается выйти за пределы своего личного опыта. Его книга — не свидетельство очевидца (таких свидетельских показаний накопилось уже много), а научный анализ, обобщающий непосредственный опыт автора. Книга Баро показывает, что в отличие от большинства идеологов стран "реального соци-

* Статья была написана для сборника „Antworten auf Bahros Herausforderung“ des „realen Sozialismus“, изд-во Olle u. Wolter, W. Berlin, 1979.

** Rudolf Bahro: Die Alternative. Zur Kritik des real existierenden Sozialismus. Bund-Verlag Köln, 1977.

ализма”, он действительно изучил Маркса, Энгельса и Ленина и пользуется методом исторического материализма как инструментом при анализе новых явлений. Тем самым Баро пытается восстановить репутацию искалеченного и дискредитированного марксизма, хотя, по всей вероятности, именно марксизм в его работе оттолкнет тех, кто, стремясь в странах Восточной Европы к переменам, целиком отвергает при этом официальные клише и терминологию. Ведь именно эти клише и эта терминология препятствуют познанию действительности, именно ими злоупотребляет официальная пропаганда, искажая эту действительность.

В своей статье я хотел бы остановиться только на двух проблемах, затронутых наряду с другими в книге Баро. Я имею в виду, во-первых, анализ изменений, которые произошли в странах Восточной Европы в результате советской интервенции в августе 1968 года, и, во-вторых, вопрос о формах и содержании борьбы за ”альтернативу”, за иной путь развития этих стран. Во многом я с Баро согласен, по некоторым же вопросам я придерживаюсь совершенно иных взглядов.

Что же изменилось после интервенции 1968 года?

Я согласен с главными тезисами Баро в его анализе политического режима стран Восточной Европы. Наши взгляды, однако, начинают расходиться в оценке последствий советского военного вмешательства в чехословацкие события в августе 1968 года. Мне думается, что Баро недооценивает отрицательные последствия этого вмешательства не только для самой Чехословакии (”нравственный авторитет политики реформ остался непоколебимым” — стр. 407), но и для остальных стран Восточной Европы (”несмотря на то, что травма 1968 года все еще ощущается психологически, в остальных странах советской сферы влияния существует более широкий внутривластный простор для маневрирования” — стр. 395). Военная интервенция 1968 года сопровождалась чистками государственных и партийных аппаратов во всех странах Восточной Европы. Тысячи активных коммунистов, которых подозревали в симпатиях к ”Пражской весне” или просто считали ”потенциальными ревизионистами”, были исключены из партии и отстранены от общественной деятельности. Кроме того, по ходу чисток во всех областях политики и идеологии активизировались прагматики и

сталинисты, расширилась компетенция органов безопасности. В Чехословакии после интервенции положение изменилось радикально: вследствие исключения 500.000 человек, КПЧ полностью потеряла связь с массами, превратилась в послушное орудие советской политики. Из партии выгнали людей, которые готовы были вести диалог и осуществить реформы; людей, которые были движущей силой процесса демократизации шестидесятых годов. Но престиж социализма пошатнулся не только потому, что ”коммунисты-реформисты” оказались изолированными от политической жизни и стали объектом жестоких репрессий, но и потому, что дубчеховское руководство — разумеется, под давлением извне — капитулировало, подписав т.н. Московский протокол, открыв тем самым путь к ”нормализации”, затронувшей большую часть населения. Все это вместе отразилось и на последующей оценке ”политики реформ” 1968 года. Рудольф Баро совершенно справедливо критикует тогдашнюю позицию руководства КПЧ:

”Политическая группировка Дубчека повела себя слишком нерешительно, а это было, главным образом, вызвано ее иллюзиями относительно Советского Союза, относительно характера советского общества и интересов его руководства”.

Дубчеку Баро противопоставляет Тито. Однако дубчеховское руководство неоднократно подчеркивало в течение 1968 года, что ”Чехословакия не будет второй Югославией”, выдавая тем самым судьбу ”Пражской весны” на милость советского руководства, хотя это полностью противоречило политическим стремлениям и национальным чаяниям большинства чехов и словаков — и коммунистов в том числе. И как же после всего этого, после капитуляции и последовавшей за ней ”нормализации” могла остаться незапятнанной репутация политики реформ 1968 года?

В других странах Восточной Европы отрицательные последствия военного вмешательства были менее трагичны (если иметь в виду только репрессии), но они были столь же серьезны с точки зрения их влияния на сознание масс. Военная интервенция в Чехословакии вновь подтвердила, что любая попытка демократизации, предпринятая в одной стране восточного блока, неиз-

бежно вызовет контрреакцию со стороны советского руководства и будет подавлена с такой же решительностью, как и "Пражская весна" 1968 года. Осознав это, граждане стали более пассивны, а коммунисты превратились в прагматиков и циников.

Баро ярко описал это в главе о партийном аппарате, его кадрах и сотрудниках. Только в Польше взрыв недовольства 1970 года привел к изменениям в партийном руководстве. И только в Польше общественность добилась определенных уступок, которыми воспользовались впоследствии различные оппозиционные течения. В настоящее время Польша — единственная страна Восточной Европы, где почти на законном основании существует параллельная культурная и политическая жизнь, где даже среди коммунистов наблюдается расслоение, подобное расслоению КПЧ в период до 1968 года. Как долго продлится такое положение в Польше зависит от того, как долго смогут поляки сопротивляться объединенным стараниям московских и местных бюрократов "восстановить порядок и дисциплину", "покончить с анархией".

Положение, которое сложилось в странах Восточной Европы, приводит некоторых бывших коммунистов к выводу, что поражением "Пражской весны" окончилась эра реформистского коммунизма (или ревизионизма) во всей Восточной Европе (Лешек Колаковский). Такие взгляды разделяют и представители некоторых оппозиционных течений в Чехословакии и Польше, не говоря уже о самом Советском Союзе, где большинство "диссидентов" — за исключением Роя Медведева и нескольких других — отождествляют социализм со сталинизмом (ничего другого они не видели), а потому отвергают социализм вообще, как бы его ни реформировать и ни видоизменять. Я лично с этими взглядами не согласен, хотя могу их понять как эмоциональную и моральную реакцию на существующее в СССР положение. Более того, объективный анализ обстановки в Восточной Европе, как и соотношения сил в мире, заставляет меня согласиться с Рудольфом Баро в том, что будущее этих стран — в "социалистической альтернативе", которая будет осуществлена путем постепенных, но последовательных реформ существующей системы — вплоть до эмансипации общества в духе социалистических идеалов.

В чем же все-таки состоят действительные результаты военной интервенции в Чехословакии? Если до 1968 года еще бы-

ло возможно, что давление снизу найдет отклик у членов правящей партии, так как в рамках этой партии существовало течение, готовое к диалогу, понимающее необходимость экономических и политических реформ, и если в случае объединения этих сил создавались условия для постепенного осуществления реформ без насилия и конфликтов, то после 1968 года наиболее активные реформистские силы действуют вне партии и официальных институтов. Возникают движения протеста, оппозиция, выступают диссиденты, открыто проявляется недовольство — и все это начинает оказывать давление на власть имущих. Эти тенденции могут либо заставить власть пойти на уступки, либо вылиться во взрыв стихийного недовольства. Но серьезное влияние оппозиция сможет оказать лишь при условии, если она будет достаточно сильной и если она будет представлена основными носителями общественных перемен — рабочими, молодежью и политически активной интеллигенцией. Если давление такой оппозиции будет настойчивым и последовательным, то оно сможет стимулировать процесс расслоения внутри правящей партии и возродить (еще раз!) благоприятствующие реформам настроения.

Но это будут уже не реформы "сверху", как в Чехословакии в 1968 году (и отчасти как в Польше и Венгрии в 1956 г., а в СССР при Хрущеве). Тогда инициатором реформ и перемен были "верхи", правящая партия, вернее, определенная часть ее членов.

В настоящее же время, как совершенно верно замечает Баро, "правящие партии стали противниками любых перемен, так как любые перемены отразились бы в первую очередь на их собственном положении, ... причем эти партии оправдывают свою позицию постоянной угрозой советской интервенции" (стр. 378). Именно поэтому решающим фактором дальнейшего развития событий становится в настоящее время "движение снизу". В этом мы с Баро совершенно заодно. Но я не согласен с его оценкой той роли, которую в этом "движении снизу" могут играть "коммунисты" и "марксисты", как и с его определением содержания и цели "культурной революции", которая приведет к "подлинному коммунизму", как считает Баро, или к плюралистическому демократическому социализму, как считаю я. Только в таком социализме я вижу возможную альтернативу существующему в странах Восточной Европы режиму.

О роли коммунистов и о проблеме политического плюрализма

Рудольф Баро мыслит освобождение человечества как построение "подлинного коммунизма", а потому, -- совершенно логично, -- прежде всего коммунистов он считает носителями реформ (правда, не аппаратчиков и не связанных с аппаратом людей). Орудие борьбы против "диктатуры политбюрократии" Баро видит в новой партии, которая будет называться Лигой коммунистов (Bund der Kommunisten).

Мне думается, что начертанная им перспектива весьма далека от действительности и от чаяний значительной части тех, кто в странах Восточной Европы стремится к демократизации системы.

Прежде всего следует признать, что сам термин "коммунизм" для народов Восточной Европы дискредитирован. Он связан у них с представлением о власти одной партии, с диктатурой аппарата, опирающегося на гегемонию Советского Союза в данной географической области. Неприятие коммунизма нельзя отождествлять, однако, с неприятием социализма как общественной системы, основанной на коллективной собственности на средства производства. Многие из граждан Восточной Европы, которые считают себя антикоммунистами и даже отрицают социализм как идеологию, вряд ли думают, что после ликвидации диктатуры коммунистического аппарата крупные заводы и предприятия могут быть снова переданы в частную собственность, что крупные сельскохозяйственные кооперативы могут быть снова разбиты на мелкие индивидуальные хозяйства.

Некоторые проведенные в этих странах мероприятия вошли в повседневную жизнь людей. И люди понимают, что несмотря на все недостатки этих мероприятий, аннулировать их невозможно. Люди хотят, чтобы во главе национализированных предприятий стояли квалифицированные специалисты, чтобы эти предприятия производили продукцию, нужную людям, а не продиктованную бюрократическими аппаратами зачастую для удовлетворения потребностей Москвы; чтобы рабочие и техники получали зарплату, соответствующую их квалификации и производительности, и чтобы на эту зарплату они могли купить то, что им нужно.

Люди хотят, чтобы общественность контролировала экономику, чтобы о состоянии экономики публиковались статистические данные, чтобы они могли принимать участие в управлении экономикой и пользоваться плодами своего труда. Люди, разумеется, заинтересованы и в независимых профсоюзах, способных защищать их интересы перед лицом государственного и кооперативного работодателя; а для этого в стране должна быть создана соответствующая политическая обстановка.

Основное препятствие достижению этих целей население стран Восточной Европы видит прежде всего в правящих коммунистических партиях, в их монополии на власть, которую они оправдывают марксистской фразеологией, преподнося как "диктатуру пролетариата", неизбежную якобы в период перехода общества к коммунизму. В прошлом некоторые правящие компартии пользовались поддержкой масс, но это имело место тогда, когда компартии только обещали построить социализм -- справедливое общество, которое предоставит людям больше свобод и большую степень их участия в управлении по сравнению с парламентской демократией (так, например, массы поддерживали в свое время компартию Чехословакии). Своих обещаний компартии, однако, не выполнили; они отошли от масс и стали править административными методами, средствами принуждения. Самые жестокие методы применялись в сталинские времена -- времена репрессий и политических процессов. После XX съезда КПСС появилась в странах Восточной Европы надежда, что первоначальные идеалы будут восстановлены, что страшные трагедии прошлого -- это всего лишь их "деформация". Но были задушены и эти надежды. Венгрия была залита кровью во время революции 1956 г.; была проведена "нормализация" Польши после Октября. (Эту "нормализацию" осуществил сам Гомулка.) Были также предприняты такие нелепые действия, как постройка берлинской стены. Еще раз оживила утраченные иллюзии "Пражская весна". И не только в Чехословакии. Но ликвидация чехословацких реформ после советской оккупации снова подтвердила реакционность стоящих у власти коммунистических партий, их идеологии. Теперь люди именно коммунистов признают виновными за тяжелое положение своих стран... В сознании народов Восточной Европы коммунизм отождествляется со сталинизмом и гегемонией СССР, а потому даже в самом реформированном его виде он для них неприемлем.

Кроме того, коммунизм, как он преподносится в школах (и как понимает его Рудольф Баро), представляется гражданам, живущим в условиях так называемого реального социализма, утопией. И утопией опасной, так как идеалами коммунизма власть имущие стараются затушевать или даже оправдать свои самые жестокие действия.

Могут возразить, что речь, собственно говоря, идет только о терминологии и что для "реабилитации" коммунизма достаточно будет освободить его от ничего общего с марксизмом не имеющего волюнтаризма и изменить повседневную практику стоящих у власти компартий. Мне же это представляется невозможным, так как противоречие между тем, чего хотят массы в странах "реального социализма", и тем, что выдвигает в качестве программы Рудольф Баро, не только в терминах, но и в содержании. Свое отношение к политическому плюрализму Баро, например, выражает так:

"Концепция многопартийной системы кажется мне бессмысленным анахронизмом. Она совершенно несовместима с историей наших стран" (стр. 416). Политические партии по-прежнему представляются Баро как выразители интересов различных классов. Но именно это постоянно подчеркивает и официальная идеология правящих коммунистических партий, оправдывая тем самым свою монополию на власть. Но еще до 1968 года многие социологи и философы, — как в Чехословакии, так и в других странах, — пришли к выводу, что и в социалистическом обществе существуют различные классовые и групповые интересы, а потому проявление этих интересов через различные политические структуры совершенно обоснованно. Такими структурами могут быть не только профсоюзы, рабочие советы, всевозможные массовые организации, но и политические партии с отличными от коммунистов представлениями о социализме. Политический плюрализм и в социалистическом обществе предполагает наличие не только нескольких политических партий, но и оппозиции. И именно так представляли себе дальнейшее развитие социалистического общества и демократии многие коммунисты в Чехословакии, считая при этом, что такое развитие осуществится постепенно, по этапам, обусловленным внутренним и международным положением страны.

Рудольф Баро все еще говорит о какой-то загадочной миссии коммунистов, о том, что только коммунисты призваны освободить

человечество, что в странах Восточной Европы только коммунисты могут свергнуть тоталитарную диктатуру аппарата и создать демократическое социалистическое государство. Справедливости ради следует отметить, что у Баро есть для этих утверждений некоторые реальные основания: так как в странах Восточной Европы коммунистическая партия — единственный политический институт, в рамках и посредством которого можно воздействовать на общество и заниматься политикой вообще, то, казалось бы, только коммунисты смогут начать этот процесс демократизации. И все же, вследствие всего содеянного компартиями, всего, что граждане стран Восточной Европы великолепно помнят и чувствуют до сих пор, коммунисты (в том числе коммунисты-реформисты, как и другие разновидности коммунистов) лишили себя морального права на какую бы то ни было главенствующую роль. Они должны снова завоевать это право — в сотрудничестве с представителями других течений и без претензий на "руководящую роль" (к этому, по крайней мере, стремятся исключенные из партии чехословацкие коммунисты в рамках движения за гражданские права — "Хартия 77").

Сам Баро признает, что его представление о руководящей роли коммунистов не может рассчитывать на широкую поддержку. "К сожалению (!), — пишет он, — вполне вероятно, что осуществление программы-минимум демократической революции против политической бюрократии превратится в самостоятельный исторический этап" (стр. 336). "К сожалению", признавая существование "демократических требований", Баро все же считает, что, выдвигая такие требования, "движение добровольно ограничивает себя интересами одной лишь интеллигенции" (стр. 367). Это суждение Баро связано с весьма странным, но типичным для коммунистов предрассудком. Они привыкли думать, что свобода слова и художественного творчества, а, в первую очередь, свобода слова — это атрибуты лишенной классового содержания "буржуазной системы", и что удовлетворяют они "специфические потребности интеллигенции, которая стремится расширить свои привилегии". Я совершенно не согласен с тем, как Баро оценивает роль чехословацкой интеллигенции до и в период "Пражской весны". Баро несколько раз повторяет, будто чехословацкая интеллигенция старалась прежде всего

осуществить свою „glorious revolution”, которая не имела ничего общего с демократизацией, за которую выступали массы. Это утверждение выдает полное непонимание роли чехословацкой интеллигенции. Оно особенно поразительно потому, что сам Баро великолепно показывает, как аппарат власти старается злоупотребить отсталостью части населения, вызывая в нем зависть и враждебность к интеллигенции за ее умение дать оценку существующему в стране положению и нанести удар по самому большому месту системы. В период с 1963 по 1967 год чехословацкая интеллигенция вовсе не добивалась новых привилегий! Она использовала свой моральный престиж и уже имевшиеся в ее распоряжении возможности — выступать перед общественностью, путешествовать и познавать, выражать в искусстве или в публицистике свои идеи, чтобы артикулировать взгляды, чаяния и потребности большинства граждан, которые были лишены возможности защищать свои интересы в политических и профсоюзных организациях. Чехословацкая интеллигенция заслужила уважение народа еще в прошлом, когда у чешской и словацкой наций не было своего государства. Именно поэтому она могла сыграть роль катализатора процесса демократизации в период „Пражской весны”. То же можно сказать об интеллигенции и в других странах Восточной Европы.

Исключительно важными представляются мне признания Баро, что конфликты между новыми общественными силами и властью имущими „невозможно понять, пользуясь традиционными категориями классовых противоречий”, что „субъектом освободительного движения являются энергичные и творческие люди, которые выходят из всех слоев общества” (стр. 287). В контексте работы Баро это звучит как антимарксистская ересь, но именно здесь проявляется его личный опыт — опыт жизни в стране, где правит безликая бюрократия, которая опирается на послушных лакеев, на людей без мнения, без инициативы. Когда Баро говорит о творческих силах, он наверняка подразумевает и интеллигенцию (ученых, техников, врачей, работников искусства и т.п.), как, разумеется, и молодежь, и рабочих, которых Баро оценивает с необычным беспристрастием, без иллюзий, столь характерных для многих западных марксистов, которые привыкли писать обо всем с точки зрения „интересов рабочего класса”... Поэтому Баро и допускает, что в странах Во-

сточной Европы именно интеллигенция может оказаться инициатором реформ.

„Стоит политической бюрократии несколько ослабить свой пристальный надзор, стоит ей на минутку вздремнуть, как немедленно возрастает влияние интеллигенции... И факт остается фактом, что в странах Восточной Европы оппозиция со стороны интеллигенции, как только находит силы оформиться, парализует нервную систему аппарата власти” (стр. 391-392). Знаменательно, что роль интеллигенции и необходимость союза с ней поняли не только трудящиеся стран Восточной Европы. Правящие круги этих стран тоже изучили урок Чехословакии, Венгрии и Польши, и именно поэтому делают все возможное, чтобы воспрепятствовать интеллигенции сыграть роль катализатора процесса демократизации. Власть использует для этого цензуру, идеологический контроль, специальные методы подбора кадров, репрессии и подкуп.

Зная страны Восточной Европы, я утверждаю, что *основные требования* большинства трудящихся имеют там демократический, а не коммунистический характер. Баро же, как и другие марксисты, которые выступают против партийной бюрократии, считает, что между сиюминутной и конечной целью не должно быть никаких противоречий. Необходимое условие победы как демократии, так и коммунизма они видят в *ограничении власти аппарата и ликвидации монополии на власть одной партии*. Баро прав, что процесс освобождения увенчается успехом лишь тогда, когда будет „лишена власти бюрократия, когда будет ликвидирована власть аппарата над обществом, когда по-новому будут упорядочены отношения между обществом и государством” (стр. 372). Но Баро не понимает, что именно в *демократизации общественной жизни, в соблюдении гражданских прав* граждане Восточной Европы уже на нынешнем этапе видят *самое важное и самое насущное требование*.

Не Картер был инициатором борьбы за гражданские права. „Хартия-77” сформировалась еще до того, как Картер признал принцип прав человека составной частью политики своего правительства. Движение за гражданские права возникло среди людей, накопивших горький опыт подневольного существования; оно возникло вследствие поражений освободительных движений в Польше, Венгрии и Чехословакии. Для наступательного

движения за гражданские права Bund der Kommunisten (Лига коммунистов) или по-другому реорганизованная компартия — не лучшее орудие. Намного эффективнее по форме и по содержанию нечто совершенно иное — а именно: движение за демократический социализм. Кроме того, в условиях тоталитарной диктатуры создавать новую партию или организованную "оперативную базу" в виде Bund der Kommunisten даже и нереально, так как власти немедленно объявят ее вне закона, а членов и сотрудников этой Лиги арестуют как "врагов социализма" и "заговорщиков". К тому же, основание новой (или второй) компартии вызвало бы у многих людей впечатление, что идет "борьба между коммунистами", что на одной стороне стоят власть имущие, а против них выступают те, у которых этой власти пока нет, но кто хочет ее заполучить. Борьба "внутри правящей элиты" уже давно перестала кого-либо интересовать.

"Движение" за гражданские права (или за демократический социализм) иное качественно. Это новое качество обеспечивает ему отчетливое отличие от институтов власти, а форма организации движения за права человека позволяет ему действовать и в условиях тоталитарной диктатуры. Демократическому движению не нужны руководители, у него есть только представители; ему не нужна организационная структура, которая, как правило, позволяет полиции проникнуть в организацию и после раскрытия одного звена парализовать весь организм. Но что самое главное — демократическое движение позволяет на практике осуществить принцип политического плюрализма, и это подтверждается примером социалистической оппозиции стран Восточной Европы. Главным инструментом демократического движения могут быть, с одной стороны — самиздатские журналы, где публикуются самые разнообразные и самые противоречивые взгляды тех, кто присоединяется к движению, а с другой стороны — заявления, ограничивающиеся теми проблемами, по которым достигнуто согласие всех участников движения. В качестве примера таких движений можно привести "Хартию-77" в Чехословакии и КОР (Комитет защиты трудящихся) в Польше. Их платформа обеспечила сотрудничество бывших коммунистов с социалистами, христианами, троцкистами и либералами, причем это сотрудничество осуществляется на основе уважения законов и гражданских прав, которые нарушаются аппаратом власти.

Иногда опасаются, что в демократическом движении растворяются политические группы с их особыми программами, что, отказываясь, с другой стороны, от общей политической программы, демократическое движение ограничит борьбу лишь повседневными сиюминутными требованиями, что оно не будет ставить перед собой перспективных целей. Такая опасность была бы реальна, если бы демократическое движение предполагало ликвидацию всех идеологических течений. Но объединение людей в демократическом движении вовсе не означает, что составные части оппозиции должны прекратить свое существование или отказаться от своих взглядов. Ведь солидарность, дисциплина и терпимость вовсе не исключают дискуссий и параллельной политической жизни вне рамок движения, в группах. Одним из течений наверняка останется и движение "коммунистов-реформистов". И оно, благодаря своему опыту и реализму своей программы, благодаря своим многочисленным связям с бывшими соратниками, которые остались в рядах правящей партии, смогут сыграть очень важную роль в процессе демократизации и формирования социалистической альтернативы. Но наряду с ними — и на равных правах — будут действовать другие течения, и только сотрудничество между ними, уважение их представителей друг к другу смогут создать параллельную политическую жизнь, доказать скептикам, что перемены возможны, и что социализм может быть другим, не похожим на "реальный социализм".

Вполне осуществимой целью демократического движения на ближайшее будущее может быть создание "двоевластия де-факто" (стр. 429). Практически это означает создание параллельных структур наряду с официальными институтами — издание неподцензурных книг и журналов, организация летучих университетов, независимых профсоюзов или рабочих советов, комитетов в защиту преследуемых и т.п. Но для этого движение должно выступать с такими требованиями, в удовлетворении которых заинтересованы не только его участники, то есть представленное мужественными, идущими на риск людьми меньшинство, но и широкие слои населения. И тогда люди увидят сами, что демократическое движение защищает их интересы лучше, чем официальные институты.

Об опасности, которой чреват национализм, и о новом понимании интернационализма

Допустим, что демократическое движение той или иной страны (я говорю о странах Восточной Европы) будет сильным настолько, что добьется не отдельных уступок, а серьезных изменений существующего в стране положения, что оно породит новую "Пражскую весну". Даже в таком случае успех останется непрочен, если он ограничится одной страной. Победенные, загнанные в угол политические силы немедленно попытаются восстановить свое положение, опираясь на советские вооруженные силы. События в Венгрии и в Польше в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году свидетельствуют тому. В будущем процесс демократизации окажется успешен лишь при условии, если он будет осуществляться в нескольких странах восточного блока одновременно, например в Польше, Чехословакии, ГДР и Венгрии. И это, конечно, не может полностью исключить возможность советского военного вмешательства, но, по крайней мере, сделает такой шаг более рискованным. Если перед советским руководством возникнет дилемма: либо военная интервенция в нескольких странах (плюс возможность кровопролития, если население окажет сопротивление — со всеми международными и внутривнутриполитическими последствиями), либо политические уступки и компромиссы, которые позволили бы руководству стран Восточной Европы осуществить демократические (политические и экономические) реформы, учитывая при этом военно-стратегические и экономические интересы Советского Союза в Восточной Европе, то не исключено, что Советский Союз отдаст предпочтение второму решению. Один из ведущих представителей польской оппозиции Яцек Куронь назвал это второе решение "финляндизацией Восточной Европы", которая, в отличие от финляндизации Западной Европы, для народов этой части континента была бы шагом вперед по пути к освобождению и демократизации.

Поэтому можно полностью согласиться с выводами Рудольфа Баро, что националистическая ограниченность концепций оппозиции чревата самыми опасными последствиями. Баро верно подметил, что "при процессе разложения объединенных в свя-

щенный союз национальных партийных аппаратов национализм играет роль их опоры". Баро пишет: "Со временем оппозиция выйдет за границы данного момента, за национальные рамки. Она научится воспринимать как арену своей борьбы всю область Восточной Европы. Только тогда оппозиция будет свободна от национальных предрассудков и стереотипов... Главное — это не национальные различия и предрассудки, а основное противоречие между общими интересами всех народов Восточной Европы и интересами их политической бюрократии" (стр. 396-397).

Солидарность с "Хартией-77" диссидентов других стран Восточной Европы, как и солидарность Хартии с советскими диссидентами и польским КОРОм, да и самим Рудольфом Баро — это живые признаки, что оппозиция в странах Восточной Европы начинает понимать общность своих задач и необходимость совместных действий. Укреплять эту солидарность в самых широких слоях населения — первоочередная задача всех оппозиционных демократических течений.

Баро придает большое значение силам социализма и еврокоммунизма в развитых странах Западной Европы. Он видит в них одну из предпосылок демократизации Восточной Европы. Мне думается, однако, что Баро несколько переоценивает значение так называемого еврокоммунизма, который пока что представляет собой лишь потенциальную силу в международном коммунистическом движении. Ведь еврокоммунизм все еще не определил свою идеологическую платформу. И Баро прав, что главное препятствие сотрудничеству еврокоммунистов и других левых течений запада с оппозицией в Восточной Европе заключается в „Nichteinmischungsmentalität", то есть в психологии невмешательства, которая столь характерна для западных левых вообще и компартий в частности. Но тогда непонятно, почему он столь переоценивает возможность "действенной солидарности западноевропейских коммунистов с серьезной, наделенной чувством ответственности оппозицией в странах реального социализма" (стр. 405), как и вероятность, что именно эти партии предоставят социалистической оппозиции Востока страницы своих журналов и свои издательства. Ведь все эти партии поддерживают официальные отношения с аппаратами правящих партий стран реального социализма. Они затрудняются выбрать, принять ли сторону "угнетенных" или "угнетателей". Западные

компартии не порвали отношений с теми, кто судил и приговорил Баро. Нужны ли еще другие доказательства? Баро предлагает конкретные меры, чтобы "интернационализировать" социалистическую оппозицию на Востоке. Но, скорее всего, поддержать эти меры могут левые некоммунисты, которые не связаны "правилами игры", обязательными в международном коммунистическом движении — прежде всего, в отношении СССР.

Если коммунистические партии Западной Европы действительно хотят заслужить доверие оппозиции в странах Восточной Европы и оказать ей действенную помощь, то они должны защищать демократический социализм — то есть со свободой слова и оппозиции, с автономными профсоюзами и самоуправлением, с многопартийной системой и т.п. — не только для своих государств, но и для народов Восточной Европы. Когда представители западных компартий выступят с трибуны партсъездов в Москве и потребуют соблюдения основных принципов демократического социализма в самом Советском Союзе, когда они осудят монополию одной партии на власть, монополию подчиненных партии профсоюзов и цензуры — в самом Советском Союзе и в странах Восточной Европы — только тогда можно будет думать и говорить о восстановлении доверия к коммунистам. И только тогда группы марксистов и коммунистов-реформистов, которые теперь составляют ничтожное меньшинство среди других оппозиционных течений, смогут хотя бы отчасти претендовать на ту почетную роль, которую предназначил им Баро.

Однако, несмотря на все возражения, я считаю книгу Баро чрезвычайно полезным стимулом мысли для всех левых в Европе, но, в первую очередь, для тех, кто хочет возродить социализм в Восточной Европе. Изучение этой книги, обсуждение ее идей могло бы стать отправным пунктом параллельного идеологического развития, на важности которого настаивает сам Баро.

Книга Баро подтверждает участникам "Пражской весны", что, вопреки оккупации, Чехословакия 1968 года стала лабораторией, где вырабатывались и проверялись новые идеи, что эти идеи продолжают жить в сознании многих людей. Личное мужество Рудольфа Баро наделило эти идеи обновленной энергией.